

Птицы в промысловой культуре командорских алеутов

Наталья Александровна Татаренкова,
начальник отдела сохранения историко-культурного наследия Государственного природного биосферного заповедника «Командорский» им. С.В. Маракова, с. Никольское.
E-mail: Nata_Bering_island@mail.ru

Статья посвящена исследованию промысла птиц алеутами Командорских островов. На основе анализа полевого материала, собранного за 20 лет, и детального изучения музейных предметов описаны все известные способы и приёмы охоты. Подробно рассматриваются сопутствующие орудия промысла и способы добычи (метательные предметы, сети, чируччи, силки и другие приспособления). Особое внимание уделено конструктивным особенностям орудий и выбору способа отлова в зависимости от вида птиц. Отмечено, что основными промысловыми объектами для алеутов Командорских островов были морские колониальные птицы; охота на уток, гусей, куропаток и представителей воробьиных носила сезонный характер. Промысел птиц являлся неотъемлемой частью островной культуры. Описаны традиции использования птичьих перьев, пуха, шкурок, костей для изготовления утилитарных и культовых предметов, а также некоторые местные поверья, связанные с птицами. Рассматриваются способы приготовления в пищу мяса, сбор и заготовка яиц. Автор приходит к выводу о том, что, по сравнению с другими видами природопользования, птичий промысел подвергся наименьшему воздействию со стороны европейской культуры ввиду относительно небольших объёмов добычи и ориентированности на удовлетворение внутренних потребностей островного социума. В настоящее время добыча биоресурсов лимитируется природоохранными структурами, поэтому объёмы сбора резко сократились. Однако основные принципы подхода к добыче птиц и сбору яиц не утрачены по сей день.

Ключевые слова: алеуты, Командорские острова, традиционное природопользование, морские колониальные птицы, способы добычи.

Bird Hunting by Commander Aleuts.

Natalia Tatenkova, The Commander Islands Nature and Biosphere Reserve Named after S.V. Marakov, Nikolskoye Village, Russia. E-mail: Nata_Bering_island@mail.ru.

The paper is devoted to the research on bird hunting by the Aleuts of the Commander Islands. All known hunting methods and techniques are described basing on the analysis of field data, having been collected for over 20 years, and the detailed study of museum exhibits. The hunting tools and methods (throwing

objects, nets, seines, drag nets and other devices) are examined in detail. Special attention is paid to structural features of tools and hunting methods depending on bird species. It is recorded that colonial seabirds were the main hunting species for the Aleuts of the Commander Islands. Hunting ducks, geese, partridges and passerines was seasonal. Bird hunting was an integral part of the island culture. The traditions of using quills, down, skin, bones for creating utilitarian and cult objects as well as some local beliefs about birds are described. Cooking techniques of meat, gathering and storage of eggs are examined. The author concludes that, in comparison with other types of natural resources, bird hunting was the least influenced by Western culture due to rather low volume hunting and the focus on internal needs of the island society. Nowadays, the biological resources are controlled by environmental structures, and gathering volumes reduced drastically. However, the main techniques in bird hunting and gathering eggs have not been lost so far.

Keywords: Aleuts, Commander Islands, traditional use of natural resources, colonial seabirds, hunting methods.

ВСТУПЛЕНИЕ: ОБЪЕКТЫ ПРОМЫСЛА И ИСТОРИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРУДИЙ

Алеуты Командорских островов добывали в промысловых масштабах только морских колониальных птиц: топорков (*Lunda cirrhata*), кайр, или ап (*Uria aalge inornata* и *U. lomvia arra*), бакланов, или урил (*Phalacrocorax pelagicus* и *Ph. urile*), серокрылых чаек (*Larus glaucescens*) и глупышей (*Fulmarus glacialis rodgersii*). Прежде список дополнял очковый баклан (*Ph. perspicillatus*) — вид вымер к середине XIX в. после 30 лет интенсивной охоты. Добыча других птиц, в том числе ипаток (*Fratercula corniculata*), производилась в несопоставимо меньшем объёме.

По свидетельству святителя Иннокентия (Вениаминова), в 1830-х гг. на островах Лисьевского отдела Российско-Американской компании (РАК) промысел колониальных птиц производился в основном петельными силками. К тому времени традиционные алеутские «птичьи стрелки» почти полностью вышли из употребления, их использовали главным образом для «забавы» — оттачивания навыка метания дротика. Бесконтрольная стрельба из ружей привела к деградации птичьих базаров, сделав огнестрельное оружие малоэффективным.

В это время Командоры только заселялись: до 1741 г. острова были необитаемы; в XVIII в. их посещали «кампании на паях»; в 1805 г. здесь вынужденно осела группа из 10–13 русских промысловиков, с 1812–1813 г. их ряды пополнили жёны-алеутки; около 1821 г. к ним подселили группу жителей о. Атту. В 1827 г. на обоих островах — Беринга и Медном — жило 110 человек, т.е. не более 35 охотников. Поскольку птичьи базары были многочисленны, а порох в дефиците, при охоте на птиц едва ли использовали ружья и силки, скорее — простые стрелы, болы и, возможно, сети.

Для добычи плохо летавшего очкового баклана было достаточно метко брошенного камня. В конце XIX в. в ходу были чиручи, разнообразные сети, выброски чалиисин, силки, болы и местные разновидности пращи. Стрелы стали выходить из употребления. Пришедшие им на смену ружья стали брать для глупышиной охоты на о. Медном [9, с. 268; 2, с. 65–66].

Поздней осенью и зимой охотились на куропаток: в недалёком прошлом почти каждый, включая женщин, мог сбить птицу обыкновенной палкой или камнем. В XIX в. мясо куропаток ели не все, некоторые считали эту пищу вредной. К «несъедобным» относили также бекасовых, не исключая кроншнепа. Благородных гусей алеуты предпочитали продавать за солидное вознаграждение. К примеру, 17 (29) мая 1895 г. управляющему предложили гуся за 2 рубля и бутылку водки [5, с. 124; СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 6. Л. 3]. До 1911 г. многие беринговцы брезгливо относились к мясу курицы [12, с. 40]. Приоритеты изменил голод 1915–1925 гг. С приходом советской власти командорские алеуты стали практиковать одомашнивание: летом куропаток отлавливали при помощи чируча или силков, подрезали им крылья и держали возле дома [АКМ ГИ. 920]. Или подкладывали яйца курицам-несушкам: подросшие птенцы покидали приёмную мать и питались самостоятельно (насекомыми, семенами и ягодами), но держались неподалёку [ПМА. В.Т. Тимошенко. 17.11.2010].

Из семейства гусиных наибольшей популярностью пользовались «пестряки» («пистраки»). Так называли гагу: медновские алеуты подразумевали гагу тихоокеанскую (*Somateria mollisima v. nigrum*), а беринговские — сибирскую (*S. stelleri*) [СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 39]. Более крупная *S. mollisima* гнездилась на о. Медном, в то время как у берегов о. Беринга с октября по апрель зимовала «замещающая» её *S. stelleri*. Изредка охотились на пролётных лебедей. Вопрос о роли гнездящейся на обоих островах краснозобой гагары (*Gavia stellata stellata*) остаётся открытым, но есть основания полагать, что русские называли птицу пеганкой (алеуты — *qaqaq*, *qaqagiq*, *qigugiq*), и именно её образ прослеживается в ритуальных предметах.

В голодное зимнее время в пищу шли даже представители воробышных. В частности, ловили так называемых «снегирей» — пуночек (*Plectrophenax nivalis*) и, вероятно, выюрков.

Массовая, зачастую коллективная добыча птиц носила сезонный характер. Птицы служили важным дополнением к базовому рациону питания в голодный зимне-весенний период (периодизация фенологическая). Менее выраженный пик охоты приходился на осень. Шкурки и перья использовали для изготовления традиционной алеутской одежды, а кости — игл и других предметов. Промысел птиц являлся неотъемлемой частью островной культуры. Ситуация изменилась после создания заповедника «Командорский». Вопрос о том, какие методы природопользования считать традиционными и в чём именно должно выражаться содействие сохранению этнокультурного наследия, остаётся открытым.

ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА И СПОСОБЫ ДОБЫЧИ

Метательные предметы

До первой половины XIX в. на Восточных Алеутских островах практиковалась охота при помощи «птичьих стрелок» *chataasin* (ед. ч. *chataasix*). Отличительной чертой планирующего дротика было наличие на конце четырёх костяных лезвий (их также называли «носками») — одного центрального и трёх боковых, расходящихся наподобие остроги. Лезвия *nugin* (*chataasim kadaanin*) имели различное количество зубцов и/или зазубрин (по мнению К. Бергсланда, слово *nugin* заимствовано из эскимосского языка) [16, с. 81; 17, р. 284]. Святитель Иннокентий застал «стрелки» с прямыми лезвиями, каждое около 20 см длиной. Длина и форма могли варьироваться: боковых — от 12 до 25 см, центрального — до 41 см, хотя обычно оно не превышало 27 см (без учёта длины древка). Известны образцы с изогнутым центральным лезвием и прямыми боковыми, хотя чаще встречалось обратное: прямое центральное и изогнутые боковые. «Наконечника», т.е. сочленённой с древком утяжеляющей головки-переходника, *chataasin* не имели [3, с. 246; 21, р. 84—85; 1, с. 71, 132—134].

Chataasin входили в оснащение байдарок лисьевских алеутов и, вероятно, использовались андреяновскими. Бытовали ли они на Командорах, неизвестно. Изучение музейных предметов XIX в. показало, что эти «стрелки» либо не входили в комплектацию охотничьих байдарок, либо были утрачены. Интересна модель деревянной трёхзубчатой остроги из оснащения однолючной байдарки собрания МАЭ (1975-1, приобретена в 1912 г. на о. Медном А.Ю. Левитским). Предмет выполнен в форме «треуголи» и несёт накладные деревянные зубцы без бородок. Рассмотреть детали крепления не удалось, поскольку конструкцию скрывает плотная обмотка из нитей, петлевидно охватывающих зубцы. Подобные остроги были распространены на азиатском и американском побережьях, принцип крепления их зубцов аналогичен таковому у «птичьих стрелок».

Свидетельством использования неких специализированных стрел являются слова уездного управляющего (1907—1917) Н.П. Сокольникова: «...стрелами с неподв^ижными наконечн^иками>, которых нет, стреляли и по птице» [РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 602. Л. 115]. Справка 1914 г. сопровождала небольшую командорскую коллекцию, собранную для этнографического отдела Русского музея. Фраза связана с описанием лука *улиида* и стрел с трёхсторонним оперением *агнааҳыду* к нему. Утверждение основано на рассказах «старых алеутов».

Как минимум до 1930-х гг. на Командорах бытовала детская игрушка, состоявшая из лука и обратно-веретеновидного (утончающегося к центру) дротика с игловидным лезвием. Рассказывали, что «такие луки в древние времена употребляли для охоты на куропаток». Выполненный из расщеплённого бамбука лук хранится в собрании Хабаровского музея

(ХКМ. КП. 306), стрела утрачена, но в старых описях сохранился рисунок. Предмет принадлежал беринговскому алеуту Денису Старцеву (1917 г.р.).

Другую игру с метательной стрелкой называли *ухаахчук* (ХКМ. КП. 361-3). Комплект состоял из стрелки с зазубриной и метательной палочки с верёвкой, со временем стрела была утрачена, но сохранился рисунок. Предмет передал в 1930 г. беринговский алеут Владимир Бурдуковский (1889 г.р. или его сын 1914 г.р.). Стрелу держали в левой руке, протянув верёвку через зазубрину, правой натягивали верёвку и сильным взмахом делали выпад. Игра также известна как *уғалуҳ* — «копьё, стрела» (на о. Атка дротики на птиц называли *sam iғaluu*). О ней вспоминал алеут Э.И. Гребзде (1934—2020): «Костя Кукух через спину как запустит, она улетит, аж не видишь» [ПМА. Э.И. Гребзде. 05.11.2017].

По словам того же информанта, до 1940-х гг. мальчишки делали боли: «несколько верёвочек, на конце каждой камень». В полёте бола раскрывалась. Иногда таким способом удавалось добыть серокрылую чайку.

Летом 1890 г. энтомолог А.-О.Ф. Герц (1825—1905) проводил исследования на Камчатке. На обратном пути в Петербург он в течение месяца, с 7 (19) сентября по 4 (16) октября, ожидал шхуну «Леон» на о. Беринга [1, с. 182; 19, р. 299]. Пользуясь случаем, учёный собрал и/или купил несколько предметов. Через год после его смерти вдова продала коллекцию Геологическому музею. Вместе с минералами лежала странная вещь, определённая музейщиками как «праща». В 1906 г. она была передана в Кунсткамеру (МАЭ 1026-1). «Праща» представляет собой симметричную конструкцию, сшитую из двух плетёных рукавов (вязка сетная) и соединяющего их кармана. Внутри одного из рукавов хранятся овальные «мягкие камни» — на самом деле зубы, предположительно, кашалота. «Метательный предмет для охоты на птиц» размещён в основной экспозиции, но атрибуция вызывает сомнения. Более вероятно, что это всего лишь контейнер для сбора биологического и минералогического материала. В то же время известно, что алеуты, как и другие народы, широко использовали пращу.

В первой половине XX в. метание бол и «стрелок» сохранялось как элемент детских игр, развивающих сноровку и меткость. Со временем охотничья составляющая исчезла, уступая место аттрактивности. Новая игрушка из связанных 3—4 хвостовых чаячих перьев и одного или нескольких камешков летала очень красиво, доставляя эстетическое удовольствие. К концу века стала забываться и она.

Сети и чиручи

До начала XX в. практиковался сетный отлов глупышей, кайр и бакланов. Промысел проводили как коллективно, так и индивидуально.

Беринговцы предпочитали добывать кайр на о. Арий Камень. Способ предполагал использование большой сети и требовал не столько ловкости, сколько слаженной коллективной работы. Охотники подходили на байдаре и бесшумно высаживались в том месте, где колония была

максимально плотной и птицы сидели «крыло к крылу». Одни устанавливали на берегу вертикальную сеть, другие подкрадывались и вспугивали птиц так, чтобы те сплошным потоком устремлялись в ловушку. Улов обеспечивал мясом всю деревню, за лето совершили несколько таких поездок [22, р. 35; 10, с. 268].

Медновцы использовали сеть для индивидуального промысла. По свидетельству Б. Дыбовского, ширина была «две польские сажени» (3,4 м), длина — «немного больше». К нижнему краю привязывали грузила, а вдоль верхнего продевали длинный прочный шнур, концы которого оставались в руках ловца. Охотник поднимался на вершину прибрежной отвесной скалы с подветренной стороны. Прямо под ним на уступах сидело множество птиц. Выждав момент, он кидал сеть. Она в падении расправлялась, птицы в испуге срывались с мест и запутывались. Добычу поднимали наверх. На островах Прибылова длина каждой из сторон сети едва превышала 3 м, восточные алеуты называли это орудие *sađuž* [18, с. 65; 15, с. 206; 17, р. 347].

Более сложная модель, собранная в 1891 г. Н.А. Гребницким, хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ 313/59). К тому времени сети начинали выходить из употребления. Предмет состоит из почти квадратного полотнища и заострённого с одной стороны шеста. Вдоль нижнего края проходит линь фиксированной длины, препятствующий излишнему растяжению сети; при необходимости к нему можно привязать небольшие грузила. С правого и левого бортов продеты прочные шнуры: правый закреплён с притупленного края шеста, спускается сквозь ячейю до нижнего края и проходит сквозь специальную петлю из кишечного материала; левый начинается в нижней трети, спускается сквозь ячейи, проходит через аналогичную кишечную петлю, свободно поднимается наверх до середины и дальше идёт сквозь ячейи до верхнего края (это позволяет сжимать сеть в нужном направлении). Оба шнура на выходе имеют специальные петли. Скорее всего, шест пропускали сквозь ячейю верхнего края, а к его краям крепили самораспускающиеся петли таким образом, чтобы они позволяли опустить сеть на нужную высоту, а при возникновении нагрузки от бьющихся птиц давали шнурам распуститься. При попадании добычи сеть частично схлопывалась, дальше процесс регулировал ловец, подтягивая каждый из шнурков. Похожее орудие описал в 1812 г. лейтенант Г.И. Давыдов для о. Кадьяк, с той разницей, что шнуры были фиксированно закреплены в нижних углах сети, а борта имели кольца из китового уса для лучшего скольжения шнура. Там же использовали длинную прямоугольную сеть с шестом вдоль нижнего края [6, с. 212]. Выбор модели зависел от характера рельефа, доминирующих ветров, обилия и видового состава птиц. С другой стороны, модель МАЭ 313/59 могла принадлежать кадьякам, промышлявшим на о. Уруп и в конце 1880-х гг. переселившимся на о. Медный.

На Кадьяке практиковалась сетная охота на уток. На закате и восходе алютик перегораживали узкий пролив так, чтобы край сети почти касался

воды. Утром птицы летели с моря, а вечером уходили обратно. Некоторые шли так низко, что в сумерках попадали в сеть. Её опускали, извлекали добычу, а затем поджидали следующую стаю [6, с. 210—211]. Ландшафт Командорских островов не вполне подходит для такого способа.

Распространённым инструментом в руках алеутов был чируч — лёгкий разборный сачок, состоящий из длинного шеста, обруча около 70 см в диаметре и натянутой на него жильной сети (рис. 1). Обечайку делали из двух узких дуговидно изогнутых реек, соединённых внахлест (позже — из цельной металлической проволоки). Нижние концы фиксировал переходник *қағнаҳ*, посредством него обруч крепился к шесту. Раньше к обручу привязывали страховочную верёвку, чтобы удержать, если сломается древко (сейчас шест делают из более прочного бамбука, и необходимость в страховке отпала) [ПМА. Г.М. Яковлев. 28.04.2015]. Слово «чируч» (чирюч) пришло с Камчатки и заместило алеутское *ingiҳ* (*ihngiҳ*). На о. Медном сохранялось обозначение шеста чаакых [17, р. 207; РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 602. Л. 115], вероятно, родственное ‘акаҳ (перо) и/или ‘ака (подниматься наверх). Бесшумное универсальное орудие предназначалось для поимки птиц, также им можно было черпать рыбу. Перед летящей птицей поднимали сак, и она, не успев уклониться, запутывалась, реже — ударялась и падала к ногам ловца.

Рис. 1. Г.М. Яковлев сам изготавливал чируч и знал повадки птиц. 2002 г.

Для успешной охоты важен выбор места, обычно это был скалистый уступ на пути суточной кормовой миграции. Как правило, алеуты охотились сидя, поодиночке, иногда в паре. Процесс выглядел незатейливо, но на деле требовал ловкости и глубоких знаний биологии и поведенческих особенностей птиц. Основной добычей беринговцев были топорки — на одноимённом острове. На о. Медном охотились на глупышей — на скалах и «с воды». Алеут Г.М. Яковлев (1935 г.р.) ловил птиц чиручем до 2003 г., его сын и внуки не утратили навыков по сей день (рис. 2).

Рис. 2. Отлов топорков при помощи чируча, о. Топорков. 2002 г.

Детьми медновцы отрабатывали охотничьи навыки, собирая «осенних хлопунцов» (слётков) «с воды». Едва вставшие на крыло глупышы взлетали с трудом и становились лёгкой добычей. При отсутствии чируча взрослые алеуты использовали любые подходящие предметы. В 1940 г. сотрудник краевого музея Н.И. Моргалёв наблюдал такую картину: «Один охотник с доской шириной около 10–12 см и длиной около метра лезет по отвесным скалам к ущелью, где гнездятся птицы. Усаживается на камни за осокой лицом к морю. Издаёт свист, и большая стая птиц срывается с гнездовий и летит над морем. Сделав небольшой круг, птицы летят назад, и многие — над местом засады охотника. А этот охотник только колотит <...>, а внизу другой охотник собирает убитых птиц в мешок» [8, с. 169].

Другие способы добычи

Для поимки слётков дополнительных приспособлений не требовалось. Алеутка о. Медного Т.С. Григорьева (1952–2015) рассказывала, как в детстве вместе со старшими сёстрами собирала «хлопунцов» топорков и кайр. Августовским вечером, когда на село опускался густой туман, дети брали фонарики и шли на скалистый берег. Птенцы летели к вертикально направленному лучу и, дезориентированные, падали. Глупышей ловили иначе. Выжидали день, когда с моря подует свежий ветер, и отправлялись за лёгкой добычей. Жирные птенцы, не выдерживая порывов, срывались со скал и не могли подняться обратно [ПМА. Т.С. Григорьева. 08.08.2008].

Для охоты на воде юноши использовали выброску *чалиисиҳ*. Этим словом называли несколько разновидностей закидушек. В небольшом деревянном поплавке (лучше из «красного дерева») прорезали канавку с нижней стороны, в неё остриём вверх помещали одинарный крючок (толщиной 4–5 мм, длиной не более 10 см) и фиксировали обмоткой крест-накрест. На расстоянии 30 см крепили небольшое грузило — так, чтобы конструкция оставалась на плаву [ПМА. Г.М. Яковлев. 14.03.2012]. Такой выброской можно подсекать любой плавающий на поверхности объект. В недавнем прошлом *чалиисиҳ* были популярны, особенно на о. Медном, сегодня о них помнят единицы.

Два простейших способа отлова бакланов были описаны Г.И. Давыдовым для о. Кадьяк. В безветренный солнечный день охотник одевался так, чтобы не выделяться на фоне морской отмели. Там он ставил на камень несколько чучел бакланов и ждал, когда слетятся остальные (замечено, что при ярком освещении птицы плохо видят). Когда накапливалось достаточное количество, ловец накрывал их мешком. Также охотник мог подкрасться ночью, когда бакланы спят. Он осторожно отодвигал рукой крайнего и, бесшумно поймав, кидал в мешок. Соседняя птица пересаживалась,

занимая место первой, и процесс повторялся [6, с. 213—214; СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 40]. Известно, что командорцы нередко прибегали ко второму способу. Первый также вероятен.

Подросших птенцов-пуховичков вынимали из гнёзд руками. Топорков доставали из нор рукой в защитной обмотке или при помощи короткой палки с закреплённой на конце дощечкой, позже — с крупным рыболовным крючком [12, с. 124; 10, с. 105]. Алеуты о. Умнак называли такие приспособления *iigciūusin* [17, р. 181]. Но таким способом старались не злоупотреблять.

Для охоты на птиц, в том числе морских, алеуты использовали петли. В XIX в. китовый ус расщепляли на пряди толщиной в конский волос и делали из получившегося волокна самозатягивающуюся петлю. Другой конец крепили к длинному колышку, вбитому в землю или расщелину. Напротив петли подвешивали приманку [3, с. 400—401; 14, с. 377]. На Ближних островах такие силки ставили перед входом в норы топорков и ипаток, поскольку птицы водились в недостаточном количестве. Позже, по свидетельству С. Суворова (Sovoroff, 1902—1989 гг., о. Умнак), стали использовать верёвку или жильную нить. Охотясь на уток и гусей, Суворовставил кляпцы, пряча ловушку в зарослях на отмели [23, р. 143, 154]. На Командорах петлями ловили куропаток: к краю шеста крепили самозатягивающуюся петлю, осторожно подводили к птице получившуюся «удочку» и резко вздёргивали. В начале XX в. к такому способу прибегала семья Хабаровых на о. Медном [ПМА. Г.М. Яковлев. 28.07.2015].

В голодные зимы ловили прилетевших «снегирей» (раньше на территории Аткянского отдела пуночек называли *maadugaadīx*). Бульон из маленьких птичек считался лучшим лекарством для младенцев. О такой «охоте» рассказывали Е.Г. Попова (1904—1988 гг., о. Медный) и В.М. Кияйкина (1924—2015 гг., о. Беринга). По словам первой, делали дощечку «примерно 40 см длиной, в ней дырочки, в них забиты клинышки. Между клиньшексыпали золой. Закапывали всё в снег, сверху насыпали крошек» [АКМ ГИ. 920]. Бабушка второй насыпала на деревянный щит зёрнышки и поверх закрепляла путанку из ниток, конструкцию устанавливали напротив окна.

Силки на *uluğasin* — американских выюрков (*Leucosticte tephrocotis*) — упоминаются в истории «Aliğyaax» как древний способ выживания в критической ситуации [20, р. 434—435; 17, р. 437]. Позже отлов воробынных превратился в забаву: над рассыпанной приманкой приподнимали край таза при помощи палочки, от неё тянулась верёвка. В нужный момент ловец тянул за верёвку и накрывал добычу.

В восточных владениях РАК практиковалась охота-забава: алеуты в байдарках подкрадывались к стае уток и внезапно начинали сильно шуметь. Птицы в испуге ныряли и не могли взлететь. Выбившихся из сил пернатых брали голыми руками [6, с. 210—211]. Для Командор ничего похожего не отмечено.

СБОР И ЗАГОТОВКА ЯИЦ

В конце мая — начале июня алеуты собирали яйца. Беринговцы ходили на лодках и байдарках к лежащим напротив селения птичьим островкам: на о. Топорков брали яйца топорков и серокрылых чаек, на Арьем Камне — кайр (в сезон заготовок его называли Яичным островом). Сбор осуществляли следующим образом: частично насиженные яйца удаляли (при погружении в морскую воду они всплывают); после того, как кайра откладывала новые, изымали последующие 2—3 кладки. В XIX в. яйца вывозили «целыми байдарами». Большие объёмы сбора и многократный сетный отлов привели к тому, что к 1877 г. самые удобные участки опустели. Число добываемых топорков на одноимённом острове составляло до 5 тыс. в год, но информации, являлся ли отлов избыточным, не сохранилось [СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 6]. Ситуация изменилась в лучшую сторону после введения регламента управляющим Командорскими островами Н.А. Гребницким.

Медновцы собирали яйца кайр, глупышей и топорков по скалистым птичьим базарам. Яйца укладывали в специальные плетёные корзины «турсыки», позже — в вёдра. Для этого острова избыточная нагрузка на экосистемы не отмечена.

Выше всего ценились яйца кайры: у них самая прочная скорлупа. Их запасали в значительном количестве: в XIX в. хранили «в сивучьем жиру по несколько бочек для зимнего употребления», в XX в. пересыпали песком и держали в сухом прохладном помещении (сарае, кладовой) [15, с. 179; ПМА. В.Т. Тимошенко. 22.09.2014; Г.М. Яковлев. 06.06.2014]. Считалось, что на втором месте по качеству — топорковые и чаячий яйца, дальше шли глупышинные. Говорушечи собирали редко и понемногу — их скорлупа не выдерживает даже незначительного давления. Яйца бакланов предпочитали не трогать — их белок при термической обработке не свёртывается.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Мясо и яйца птиц являлись сезонной пищей, восполнявшей недостаток витаминов и микроэлементов, а в XIX в. и ранее — основным пред- и ранневесенним продуктом питания. В бытность на островах святителя Иннокентия восточные алеуты называли январь и февраль *Anulgilax*, от *anulgix* — «баклан» (на Командорах птицу называют *аагайуух*), а февраль и март — *Qisagunaž*, «голодное время, когда рано ложатся спать» [3, с. 238; 17, р. 81, 326]. В эти месяцы бакланов ловили сетями и нередко сыровали.

На Командорах традиция есть птицу без термической обработки могла сохраняться до 1920-х гг., этому способствовали цинга и дефицит топлива. В благополучных 1870-х гг. мужчины ели сырое мясо бакланов, кайр, топорков, чаек, реже — уток, а также очищенные кишки бакланов и кайр.

Из женщин очень немногие сыровали чаек. В отличие от мужчин, они не признавали даже жареной пищи [СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 18, 40 об.]. В варёном виде птицу любили все и всегда. До наших дней дошёл алеутский кровяной суп-«забулташка», считавшийся лекарством от всех недугов.

Медновцы всем остальным птицам предпочитали молодых глупышей: «Ошипываешь их, как цыплят, даже опаливать не надо, они нежнее, чем курица, и вкуснее» [ПМА. Т.С. Григорьева. 08.08.2008]. В начале осени их запекали, а избыток вытопившегося жира запасали на зиму.

До середины XX в. мясо птиц засаливали: на о. Медном — глупышей и кайр [5, с. 72, 124], на о. Беринга — топорков и чаек. В годы Великой Отечественной войны засоленные тушки топорков поставляли на Камчатку.

На обоих островах заготавливали перья и пух: на Медном — глупышей, на Беринга — чаек (в меньшем объёме) [ПМА. М.С. Кузнецова. 27.09.2016]. Глупышинный пух собирали с мая по июнь, ошипывая пойманных на еду птиц. Этим пухом набивали подушки и перины. Изделия получались мягкими, с великолепной термоизоляцией, но имели характерный устойчивый запах. Во времена РАК лучшим считался пух «гестряка» (гаги) [3, с. 399]. На Командорах его, скорее всего, не собирали из-за больших трудозатрат.

Из плотных шкурок топорков шили парки (МЭК 19135; МАЭ 313-64). Лоскуты с шеи бакланов шли на отделку (МЭК 19171 и др.) и детские пачочки. Традиция прервалась в 1879 г. после вспыхнувшей эпизоотии, приведшей к массовой гибели птиц [СПФ АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 5. Л. 40]. Белые пёрышки брачного наряда баклана использовали для декорирования одежды, кисетов и т.д. Расщеплённые пёрышки редких/ярких птиц выполняли роль оберега (МАЭ 2868-23, Лисси о-ва, XVIII в.).

В XVIII—XIX вв. алеуты и кадьякцы изготавливали своеобразные шапки из шкурок «пеганок». Примечательно, что алеутское слово *qigūx* (*qigugiq*) обозначало не только гагару, но и детали форштевня и/или планшира байдарки [17, р. 321].

До прихода европейцев алеуты изготавливали иглы для шитья из костей крыльев чаек и альбатросов [16, с. 47, 64; 3, с. 239—240]. Иглы лучше было делать из лучевой кости, а из плечевой — игольницы (последние до сих пор бытуют у нымыланов). На Ближних островах из прочных птичьих костей вырезали обоюдоострые «кляпышки» для ловли терпугов. Кости чаек использовали как часть составных крючков на крупную морскую рыбу (этот же принцип, по свидетельству Г.В. Стеллера [11, с. 133], использовали на Камчатке). Из киля до сих пор делают простейшие походные ложки.

До середины прошлого века на Командорах была популярна погремушка *сонхох* из надутого высущенного зоба куропатки, который наполняли чёрными ягодами шикши и бордовыми — брусники [ХКМ. Старые описи; ПМА. В.Т. Тимошенко. 2006; Д.С. Березин. 2006]. Алеут С.С. Григорьев делал для своих детей игрушки, его дочери особенно запомнилась одна — из чучела куропатки и высущенных зобиков: когда птицу дёргали за ножку, казалось, что она двигается вместе со своими «цыплятами»

[ПМА. Е.С. Климова. 31.01.2008]. Все мальчишки 1940-х и более ранних годов рождения мастерили свистки из топорковых клювов.

В местных поверьях утиные обычно выступали в роли охранителей, представители воробьиных могли быть временными вместилищами душ умерших, а прочие птицы, появлявшиеся в неподложенном месте, — предвестниками. Примет, связанных с вороном, не сохранилось. Эта птица популярна как фольклорный персонаж-трикстер.

Подробнее о птицах в быту командорских алеутов можно прочитать в публикации «Возрождая традиции: портретные куклы „Алеут и Алеутка“» [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ввиду относительно небольших объёмов добычи и ориентированности главным образом на удовлетворение внутренних потребностей островного социума промысел птиц испытал наименьшее влияние со стороны европейской культуры. Благодаря этому основные приёмы охоты и конструкционные особенности орудий сохранялись значительно дольше по сравнению с другими видами природопользования. Однако произошли лингвистические замещения: *ingiž* стал чиручем, *чалиисиž* — закидушкой, *мадугаафиž* — «снегирём» и т.д., а часть терминов вышла из употребления.

Промысловые приёмы, применяющиеся на о. Медном, отличались большим разнообразием по сравнению с таковыми на о. Беринга. Это нельзя объяснить одной лишь изолированностью острова. К 1970 г. все медновцы были переселены на о. Беринга, но их семьи по-прежнему являются главными хранителями охотничьих традиций.

Существенное влияние на добычу птиц оказало создание в 1993 г. заповедника. Произошла правовая коллизия: в положениях об учреждении за 1994 и 2004 гг. не был предусмотрен отлов топорков, а также сбор яиц кайры, серокрылой чайки (пункты выпали по недосмотру чиновников). Разрешён только сбор яиц топорков на о. Топорков и отлов глупышей в районе бывшего села на о. Медном (в черновом варианте положения предусматривалось транспортное сообщение между островами, затем этот пункт исключили, и точка стала недоступной). В первые годы работы заповедника вопрос решали путём ежегодных дополнительных согласований с Минприроды РФ, позже от этой практики отказались. В результате произошло угасание традиционных охотничьих навыков и был спровоцирован затяжной конфликт с местным населением.

Одной из заявленных задач заповедника «Командорский» является сохранение традиционных форм ресурсопользования [7]. Все способы добычи птиц, практиковавшиеся командорскими алеутами, были бесшумными и щадящими. Для успешного отлова требовалось знание биологии и поведенческих особенностей животных. В данном случае интересы жителей совпадают с интересом природоохранной организации по большинству позиций. Учреждение полагает, что проблема будет решена в ходе смены статуса заповедника на национальный парк.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры / авт.-сост. С.А. Корсун. СПб.: Наука, 2014. 384 с.
2. Барабаш-Никифоров И.И. В стране ветров и туманов. М.; Л.: Всес. кооп. объединённое изд-во, 1934. 92 с.
3. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкого отдела. СПб.: Императорская Российской Академия, 1840. Ч. 2. 409 с.
4. Головко Е.В. Словарь алеутско-русский и русско-алеутский. СПб.: Просвещение, 1994. 320 с.
5. Гребницкий Н.А. Записка о Командорских островах // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск: Типогр. Н.Н. Синицына, 1882. Т. 3. Вып. 2. С. 43—125.
6. Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб.: Морская Типография, 1812. Ч. 2. 224 с.
7. Мамаев Е.Г., Кузнецова А.В. К вопросу о некоторых аспектах традиционного природопользования в государственном природном биосферном заповеднике «Командорский» // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей: тезисы докладов XV междунар. науч. конф. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2014. С. 320—324.
8. Моргалев Н.И. Поиски пушек. Командоры. Пробный вариант. Штурм бухты Командор // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Петропавловск-Камчатский: Камчатская книга, 1995. Вып. 9. С. 163—172.
9. Прозоров А.А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб.: Труд, 1902. 388 с.
10. Редько Б.А. Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск; Владивосток: Книжное Дело, 1927. Вып. 5. С. 69—112.
11. [Стеллер Г.В.] Описание Земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. С. 13—405.
12. Суворов Е.К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб.: Типогр. В.Ф. Киршбаума, 1912. 324 с.
13. Татаренкова Н.А. Возрождая традиции: портретные куклы «Алеут и Алеутка». Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2020. 96 с.
14. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб.: Типогр. Э. Веймара, 1863. Ч. 2. 389 с.
15. [Хлебников К.Т.] Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / под ред. Р.Г. Ляпуновой и С.Г. Фёдоровой. Л.: Наука, 1979. 280 с.
16. Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785—1795 гг. / под ред. И.С. Вдовина. Магадан: Магаданская книжная изд-во, 1978. 176 с.
17. Bergsland K. Aleut Dictionary. Fairbanks: Alaska Native Language Center & University of Alaska Fairbanks, 1994. 755 p.
18. Dybowski B.J. Wyspy Komandorskie. Lwow: I. Związkowa drukarnia we Lwowie, 1885. 104 s.
19. Herz O. Reise von Jakutsk nach Kamtschatka im Jahre 1890 // Mémoires sur les Lépidoptères. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de M.M. Stassuléwitch, 1897. Vol. 9. P. 239—299.
20. [Jochelson W.] Aleut Tales and Narratives (Unanam Ungiikangin kayux Tunusangin), Collected 1909—1910 by Waldemar Jochelson / ed. by K. Bergsland, D. Moses. Fairbanks: Alaska Native Language Center, University of Alaska, 1990. 715 p.

21. Jochelson W. Archaeological Investigation in the Aleutian Islands. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2002. 145 p.
22. [Netsvetov I.] The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828–1844 / ed. by L. Black. Kingston, Ontario, Canada: The Limestone Press, 1980. 342 p.
23. Unugulux Tunusangin. Oldtime Stories / ed. by R. Hudson. Unalaska: Unalaska City School District, 1992. 240 p.
24. АКМ (Алеутский краеведческий музей).
25. МАЭ (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого).
26. МЭК (Музей этнографии им. С. Удзели, Польская АН).
27. ПМА (Полевые материалы автора).
28. РЭМ (Российский этнографический музей).
29. СПФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал арх. Российской академии наук).
30. ХКМ (Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова).

REFERENCES

1. *Aleuty: Katalog kollektsi Kunstkamera* [The Aleutians: Kunstkamera Collections' Catalog]. Compl. by S.A. Korsun. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2014, 384 p. (In Russ.)
2. Barabash-Nikiforov I.I. *V strane vetrov i tumanov* [In the Land of Winds and Mists]. Moscow, Leningrad, Vses. koop. ob"edinennoe izd-vo Publ., 1934, 92 p. (In Russ.)
3. Veniaminov I. *Zapiski ob ostrovakh Unalashkinskogo otdela* [Notes on the Islands of the Unalaska District]. Saint Petersburg, Imperatorskaya Rossiyskaya Akademiya Publ., 1840, part 2, 409 p. (In Russ.)
4. Golovko E.V. *Slovar' aleutsko-russkiy i russko-aleutskiy* [Aleut-Russian and Russian-Aleut Dictionary]. Saint Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1994, 320 p. (In Russ.)
5. Grebnitskiy N.A. *Zapiska o Komandorskikh ostrovakh* [The Note on the Commander Islands]. *Sbornik glavneyshikh offitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibiryu* [Collection of the Most Important Official Documents for Governing Eastern Siberia]. Irkutsk, Tipogr. N.N. Sinitzyna Publ., 1882, vol. 3, iss. 2, pp. 43–125. (In Russ.)
6. Davydov G.I. *Dvukratnoe puteshestvie v Ameriku morskikh ofitserov Khvostova i Davydova, pisannoe sim poslednim* [Twofold Travel of Naval Officers Khvostov and Davydov to America]. Saint Petersburg, Morskaya Tipografiya Publ., 1812, part 2, 224 p. (In Russ.)
7. Mamaev E.G., Kuznetsova A.V. K voprosu o nekotorykh aspektakh traditsionnogo prirodopol'zovaniya v gosudarstvennom prirodnom biosfernom zapovednike "Komandorskiy" [On Some Aspects of Traditional Use of Natural Resources in the Commander Islands Nature and Biosphere Reserv]. *Sokhranenie bioraznoobraziya Kamchatki i prilegayushchikh morey: tezisy dokladov XV mezhdunar. nauch. konf.* [Biodiversity Conservation of Kamchatka and Adjacent Seas: Proceedings of the 15th International Scientific Conference]. Petropavlovsk-Kamchatsky, Kamchatpress Publ., 2014, pp. 320–324. (In Russ.)
8. Morgalev N.I. Poiski pushek. Komandory. Probnyy variant. Shturm bukhty Komandor [Search for Cannons. Commanders. Test Case. Assault of Commander Bay]. *Kraevedcheskie zapiski Kamchatskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Regional Notes of the Kamchatka Regional Museum of Local Lore]. Petropavlovsk-Kamchatsky, Kamchatskaya kniga Publ., 1995, iss. 9, pp. 163–172. (In Russ.)
9. Prozorov A.A. *Ekonicheskiy obzor Okhotsko-Kamchatskogo kraya* [Economic Review of the Okhotsk-Kamchatka Region]. Saint Petersburg, Trud Publ., 1902, 388 p. (In Russ.)

10. Red'ko B.A. Aleuty Komandorskikh ostrovov [The Aleuts of the Commander Islands]. *Proizvoditel'nye sily Dal'nego Vostoka* [Productive Forces of the Far East]. Khabarovsk, Vladivostok, Knizhnoe Delo Publ., 1927, iss. 5, pp. 69–112. (In Russ.)
11. [Steller G.W.] *Opisanie Zemli Kamchatki* [Description of the Kamchatka-Land]. Petropavlovsk-Kamchatsky, Novaya kniga Publ., 2011, pp. 13–405. (In Russ.).
12. Suvorov E.K. *Komandorskie ostrova i pushnoy promysel na nikh* [The Commander Islands and Fur Trade]. Saint Petersburg, Tipogr. V.F. Kirshbauma Publ., 1912, 324 p. (In Russ.)
13. Tatarenkova N.A. *Vozrozhdaya traditsii: portretnye kukly "Aleut i Aleutka"* [Reviving Traditions: Portrait Dolls “Aleut Man and Aleut Woman”]. Petropavlovsk-Kamchatsky, Kamchatpress Publ., 2020, 96 p. (In Russ.)
14. Tikhmenev P.A. *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiysko-Amerikanskoy kompanii i deystvii eya do nastoyashchago vremeni* [Historical Review of the Formation of the Russian-American Company and Its Activities up to the Present]. Saint Petersburg, Tipogr. E. Veymara Publ., 1863, part 2, 389 p. (In Russ.)
15. [Khlebnikov K.T.] *Russkaya Amerika v neopublikovannykh zapiskakh K.T. Khlebnikova* [Russian America in K.T. Khlebnikov's Unpublished Notes]. Ed. by R.G. Lyapunova, S.G. Fedorova. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 280 p. (In Russ.)
16. *Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoy geograficheskoy ekspeditsii: 1785–1795 gg.* [Ethnographic Materials of the North-East Geographical Expedition: 1785–1795]. Ed. by I.S. Vdovin. Magadan, Magadanskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1978, 176 p. (In Russ.)
17. Bergsland K. *Aleut Dictionary*. Fairbanks: Alaska Native Language Center & University of Alaska Fairbanks Publ., 1994, 755 p. (In Eng.)
18. Dybowski B.J. *Wyspy Komandorskie*. Lwow, I. Związkowa drukarnia we Lwowie Publ., 1885, 104 p. (In Pol.)
19. Herz O. Reise von Jakutsk nach Kamtschatka im Jahre 1890. *Mémoires sur les Lépi-doptères*. Saint-Pétersbourg, Imprimerie de M.M. Stassuléwitch Publ., 1897, vol. 9, pp. 239–299. (In Germ.)
20. [Jochelson W.] *Aleut Tales and Narratives (Unanam Ungiikangin kayux Tunusangin)*, Collected 1909–1910 by Waldemar Jochelson. Ed. by K. Bergsland, D. Moses. Fairbanks, Alaska Native Language Center, University of Alaska Publ., 1990, 715 p. (In Eng.)
21. Jochelson W. *Archaeological Investigation in the Aleutian Islands*. Salt Lake City, The University of Utah Press Publ., 2002, 145 p. (In Eng.)
22. [Netsvetov I.] *The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828–1844*. Ed. by L. Black. Kingston, Ontario, Canada, The Limestone Press Publ., 1980, 342 p. (In Eng.)
23. *Unugulux Tunusangin. Oldtime Stories*. Ed. by R. Hudson. Unalaska, Unalaska City School District Publ., 1992, 240 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 21.11.2020